

ких князей — Ивана Калиты и его преемников. В летописании же 20-х годов XV века еще ярче отражаются основные задачи политики Москвы. Летописание этого времени освобождается от пролитовских взглядов, нашедших свое отражение в летописании начала XV века, так как идея сохранения за Литвой русских земель противоречила объединительным тенденциям Москвы. В нем значительно смягчены встречавшиеся в более раннем московском летописании резкие отзывы об отдельных русских княжествах или их населении. Это опять-таки соответствовало взглядам московских политических деятелей, которые в объединительных целях не склонны были лишиться раз сеять рознь между Москвой и ее соперниками. Становится очевидным, если идея единства Руси окончательно не исчезла в народном эпосе и в литературе и в более раннее время, то теперь, в XIV—XV веках, она входит в общественное сознание русских людей вместе с представлением об исключительной роли Московского княжества в деле объединения русских земель. Именно в таком единстве находятся эти идеи в цикле повестей о Куликовской битве: Московское княжество здесь воспринимается уже как Русская земля, а Дмитрий Иванович считается ее защитником. Основная тенденция политики Дмитрия Ивановича выражена в этом цикле повестей замечательно тонко. Точно так же в „Слове о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, даря русьского“ идея единства русской земли выражена в тесной связи с представлением об объединяющей роли Московского княжества в жизни Руси. Иван Калита, дед Дмитрия Донского, называется в „Слове“ „собрателем русской земли“, а сам Дмитрий — „царем русским“.

Интерес к международным событиям и политической жизни других стран и попытки осмысления русской истории на фоне мировой истории, известные в древней русской литературе в более раннее время, теперь, в XIV—XV веках, возродились с особой силой. В XIV—XV веках после значительного перерыва вновь появляется литература путешествий в Византию. Для нее характерно наличие интереса не только к фактам и событиям истории христианской церкви, но и к фактам гражданской истории Византии и к событиям современной авторам путешествий политической жизни ее. Так, к середине XIV века относится памятник новгородской письменности, известный под названием „От странника Стефанова Новгородца“.

Внимательный путешественник, Стефан Новгородец отмечает в своих записях различные достопримечательности Константинополя. Он как бы вводит читателя в атмосферу иностранного города с его своеобразными архитектурными памятниками, колоннами и художественными украшениями зданий, гаванью и пр.¹ Следует отметить второе произведение этого же вида, тоже новгородское, — „Сказание о Костянтинеграде“. Это краткий путеводитель по Константинополю, составленный в конце XIV или в начале XV века на основе какого-то более раннего повествования о путешествии в Византию, остающегося нам неизвестным. „Сказание о Костянтинеграде“ замечательно своими краткими, но выразительными описаниями тех разрушений памятников искусства, которые остались в Константинополе как память о Латинской империи 1204—1261 годов.² К этой же категории произведений относится и

¹ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л. 1934, стр. 50—51, 53, 55, 57.

² Там же, стр. 133, 134.